

Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу

Силаев Николай Юрьевич   Проценко Николай Петрович

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-11-26>

АННОТАЦИЯ

Обуздание эпидемий исторически было побочным эффектом возникновения европейского государства Нового времени, и пандемия коронавируса напоминает об этом. Она усиливает ранее сформировавшийся тренд на рост ценности государственного суверенитета, национализма, экономического протекционизма. В то же время, в последние десятилетия эволюция систем здравоохранения в направлении дерегулирования, опоры на рыночные механизмы и уменьшения государственного вмешательства была одним из самых выразительных свидетельств демонтажа государства модерна. Разворачивающийся кризис ставит в повестку дня перспективу возвращения Нового времени с его острыми социально-политическими конфликтами, противоборством государств при возрастающем неравенстве игроков международной системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*Европа, модерн, государство, эпидемия, коронавирус,
национальная система здравоохранения, капитал*

За последние десятилетия как минимум в двух книгах по макроистории, имевших массовый успех, – «Эпидемиях и народах» У. Макнилла¹ и «Ружьях, микробах и стали» Дж. Даймонда² – доказывалось, что болезнетворные микроорганизмы в огромной, а иногда и в решающей степени влияли на историю человечества. В этой перспективе коронавирусная пандемия не представляет что-то принципиально новое. Однако, как объясняет Дж. Даймонд в своей другой, не менее популярной книге «Коллапс»³, далеко не всякую угрозу, даже очень опасную, общество в состоянии вовремя различить. Жители развитых стран давно привыкли смотреть на эпидемии как на вещи, которые происходят «не с нами» – во многом потому, что, как подчеркивает У. Макнил в предисловии к своей книге, они являются представителями «привычного к инфекционным заболеваниям общества, где сравнительно высокий уровень иммунитета к известным инфекциям очень быстро заглушает любую вспышку уже знакомых эпидемий»⁴. Вероятно, именно поэтому первая реакция британской и американской прессы на COVID-19 сводилась к несколько брезгливому описанию китайских пищевых привычек и несовершенств национальной системы здравоохранения КНР. История о том, как в Совете национальной безопасности США в 2018 г. был расформирован комитет по эпидемическим рискам⁵, достойна пополнить список даймондовских примеров неадекватной реакции на неизбежную, как теперь уже ясно, угрозу.

Первый итог пандемии состоит в том, что и правительства, и публика осознали, «это происходит с нами». Как бы ни мутировал вирус в ближайшие месяцы или годы, институциональная память об этом событии окажется прочной и заставит большинство правительств учитывать эпидемические угрозы в своем планировании и политическом курсе. Цель этой статьи в том, чтобы оценить сегодняшнюю ситуацию в широкой исторической перспективе и наметить вероятные направления, по которым вирус (не в первый раз в человеческой истории) изменит мир.

С опорой на работы У. Макнилла и терминологию И. Валлерстайна («мир-система»)⁶ авторы показывают, что кризис глобализации, продемонстрированный распространением вируса и реакцией на него национальных государств, поставил на повестку дня вопрос о «возвращении Левиафана»: государства «высоких стен» и всеохватывающего контроля за жизнью своих граждан. Структурно работа состоит из трех элементов: вначале авторы определяют, что такое «Левиафан», называя его классическим государством эпохи модерна; во второй части на примере эволюции системы здравоохранения Великобритании авторы демонстрируют, как она претерпевала изменения в эпоху глобализации и открытости рынка и рассуждают о том, можно ли назвать такую систему эффективной в нынешних условиях. Наконец, в третьей части авторы задаются вопросом, оправдано ли говорить, что новый коронавирус заставит многие государства «вернуться в модерн».

1 McNeill 1998.

2 Diamond 2017.

3 Diamond 2005.

4 McNeill 1998, 3–4.

5 “Top White House official in charge of pandemic response exits abruptly.” Washington Post, May 10, 2018, accessed May 27, 2020, <https://www.washingtonpost.com/news/to-your-health/wp/2018/05/10/top-white-house-official-in-charge-of-pandemic-response-exits-abruptly/>.

6 См. подробнее: Валлерстайн 2015, 7–11.

Порядок бьет класс: государство и эпидемии

Преодоление прежде разрушительных эпидемий лишь частично было заслугой ученых и врачей. Сейчас, как и во времена холеры, запершей А.С. Пушкина в Болдине, основная противоэпидемическая мера, без которой бессмысленны все остальные, это карантин. Но эффективное поддержание карантина зависит не от качества здравоохранения, а от наличия организации, способной следить за его соблюдением, то есть государства. История Европы неразрывно связана с борьбой с эпидемиями. История европейской системы государственного управления – тоже. Так, на примере борьбы Европы Средневековья и Нового Времени с чумой, проказой и оспой французский философ и историк М. Фуко по сути демонстрирует, как в системе властных институтов возникали необходимые стимулы не просто вести «бинарное разделение» на прокаженных и не прокаженных, но и формировать «систему юридических законов, регламентов, религиозных предписаний» для борьбы с болезнями¹. Позднее регуляционные управленческие механизмы подкреплялись статистическими данными, в XVIII веке к карантинным мерам стали добавлять практики прививок. Иными словами, знаменитая «тройка» М. Фуко «закон-дисциплина-безопасность» формировалась в европейских городах позднего Средневековья в ответ на новые вызовы, включая эпидемиологические.

Сокращение масштабов потерь, вызванных эпидемиями, в Европе Нового времени было связано не столько с ростом медицинских, в частности, эпидемиологических, знаний (до середины XIX века они лишь незначительно превышали таковые времен «Черной смерти»), сколько с появлением абсолютистских государств с регулярными армиями, способными поддерживать порядок на обширных территориях. Исторически основной функцией государства модерна было ведение войн. Управленческий аппарат и экономическая (в частности, налоговая) политика государства модерна во многом формировались исходя из необходимости финансирования постоянно растущих военных расходов. Как отмечает И. Валлерстайн, с того момента, когда у государств благодаря появлению избыточных денежных средств снизилась стоимость административного аппарата, необходимого для сбора налогов, возможно, наиболее важной статьёй расходов этого излишка стало создание постоянных армий².

В качестве производных от задач ведения массовой войны можно рассматривать многие виды инфраструктуры, созданные государством модерна, включая транспортную, образовательную (как было отмечено О. Пешелем, «сражение при Садове выиграл прусский учитель») и национальные системы здравоохранения. Преодоление эпидемий, которые уносили миллионы человеческих жизней на протяжении столетий, было прежде всего заслугой государства модерна. Примеры могут быть многочисленными – от ключевой роли армий в обеспечении карантинов до изобретения пенициллина для военных нужд.

Победу над самым опасным инфекционным заболеванием в истории человечества – чумой – можно считать одним из результатов рационализации всех

1 Foucault 2009, 22-25.

2 Валлерстайн 2015, 167.

аспектов общественной жизни, случившейся в эпоху модерна. Ранние свидетельства эпидемий чумы наполнены подлинным ужасом и ощущением безысходности – таковы описания Юстиниановой чумы середины VI века у византийского историка Прокопия Кесарийского. Однако после того, как чума стала эндемичным для Европы заболеванием начиная с XIV века, меры по ее предотвращению подвергаются рационализации и рутинизации даже при отсутствии научного понимания механизма распространения инфекции, которое появилось в самом конце XIX века. Первые системные карантинные меры против чумы были предприняты в адриатическом порту Рагуза (Дубровнике) в 1465 г., в 1485 г. такой же режим был введен в Венеции, а затем 40-дневный карантин для всех прибывающих кораблей стал применяться систематически в большинстве средиземноморских портов.

Еще в XVII веке чума регулярно посещала европейские города, но уже вскоре Европа одержала над ней практически полную победу: последняя значимая эпидемия чумы на этом континенте произошла в Марселе и окрестностях в 1720 – 1722 гг. Исходя из исторических свидетельств, можно говорить о принципиальной роли государства в этих событиях. Для организации борьбы с эпидемией в Марсель была направлена делегация медиков, парламент Экс-ан-Прованса принял пакет чрезвычайных мер, включая строительство стены вокруг Марселя, пересечение которой каралось смертной казнью. Благодаря ускорению коммуникаций, достигнутому к тому времени, информация о чуме в Марселе быстро распространилась по всей Европе и способствовала принятию превентивных мер во многих странах, включая Россию – в частности, был запрещён заход любых французских судов во все российские порты.

Системная борьба с эпидемиями была неразрывно связана с военными функциями государства модерна, в том числе потому, что одним из главных очагов возникновения и распространения инфекционных заболеваний были вооруженные силы. Внезапные эпидемические вспышки не раз нарушали военные планы государств, в связи с чем развитие медицины и санитарных правил постепенно получало всемерную поддержку монархов.

«Взаимоотношения между политической историей Европы и состоянием здоровья профессиональных постоянных армий и флотов заслуживает большего внимания, чем историки обычно посвящали этому вопросу, – констатирует У. Макнил¹. – Очевидно, что подъем абсолютизма на европейском континенте зависел от наличия хорошо подготовленных армий для воплощения воли суверена, а сохранение таких армий, в свою очередь, зависело от разработки правил санитарии и личной гигиены, которые сокращали потери от эпидемических заболеваний до относительно незначительных масштабов зимой и летом, в полевых условиях и на квартирах».

Подобные практики стали нормой в XVIII веке. Пионером военной медицины выступила Франция, которая на тот момент воплощала в себе эталонные черты государства модерна. В начале XVIII века французская королевская администрация открыла первые военные госпитали и медицинские училища, благодаря кото-

1 McNeill 1998, 238.

рым военное здравоохранение приобрело без преувеличения индустриальный размах. Массовая вакцинация французской армии от оспы в 1798 г. состоялась всего через два года после того, как этот метод был изобретен Э. Дженнером, что стало, по мнению У. Макнила, принципиальным фактором расширения масштабов сухопутных кампаний в Наполеоновскую эпоху.

От защиты от эпидемий солдат, отмечает У. Макнил¹, был всего один шаг к медицинскому регулированию общественной жизни в целом. Шеститомный труд «Система всеобщей медицинской полиции» (1779 – 1819) немецкого врача И. Франка, считающегося основателем социальной гигиены как отдельной научной дисциплины, привлек огромное внимание со стороны правителей и правительственных чиновников, признававших, что количество и сила их подданных являются фундаментальным компонентом государственной власти. После публикации первых трех томов своей работы И. Франк стал одним из самых востребованных профессоров в европейских университетах: он преподавал в городах Геттингене, Павии, Вене, Вильно, а в 1805 – 1808 гг. был ректором и руководителем кафедры Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, а также лейб-медиком императора Александра I.

Следующая масштабная европейская эпидемия – холера 1830 – 1840-х гг. – способствовала дальнейшему формированию государственных институтов здравоохранения в Европе. В 1848 г., когда очередная вспышка холеры совпала с общеевропейским экономическим и политическим кризисом, парламент Великобритании оперативно санкционировал учреждение Генерального совета здравоохранения, разработавшее значительные программы государственной санитарии, за которые ранее долгое время безуспешно выступали общественные деятели. Как отмечает У. Макнил², в тесном контакте с некоторыми из наиболее известных сторонников санитарной реформы эта организация использовала свои обширные правовые полномочия для ликвидации множества источников загрязнения в британских городах и селах и начала установку систем водоснабжения и канализации по всей стране. Хотя в самих системах канализации, добавляет У. Макнил, не было совершенно ничего нового – они были известны еще со времен Римской империи.

Британская санитарно-гигиеническая политика была быстро скопирована рядом других передовых государств модерна. В частности, в 1866 г. в связи с опасениями о неизбежности новой эпидемии холеры аналогичный совет по здравоохранению по образцу британского прототипа был создан в Нью-Йорке. Любопытный пример разных моделей взаимосвязи между эпидемической обстановкой и характером действий властей У. Макнил приводит для Германии. Гамбург, сохранявший в границах Германской империи статус свободного города, упорно откладывал дорогостоящие меры по развитию канализации и сильно пострадал от очередной эпидемии холеры в 1892 г., поскольку вода для его жителей бралась из Эльбы почти без обработки. Однако эта эпидемия практически не затронула находящийся буквально через улицу город Альтону, управлявшийся

1 McNeil 1998, 238.

2 Ibid, 240.

прусской администрацией, которая выделила бюджет на строительство станции по фильтрованию воды. Этот случай окончательно опроверг представления «миазматистов», утверждавших, что источником холеры являются воздух и земля, и ускорил системные меры по очистке городских систем водоснабжения от бактериологического загрязнения – после 1892 г. в европейских городах новых вспышек холеры практически не фиксировалось.

Дерегулирование как диагноз: пример Великобритании

Высшая точка развития государства модерна – наиболее полный и глубокий государственный контроль над всеми сторонами жизни общества – была достигнута в годы Второй мировой войны. Это несло в себе и предпосылки для кризиса подобного типа государства. В послевоенный период прежняя взаимосвязь войны и государственного строительства если не перестала работать полностью, то значительно ослабла. Ч. Тилли подчеркивал, что его теория возникновения государств не работает в послевоенном мире¹. К. Тайс доказывает, что между интенсивностью межгосударственных споров с применением военной силы и ростом налоговых доходов государства положительная взаимосвязь сохранялась и в послевоенную эпоху². Другие исследователи приводят примеры как глубокого кризиса государственных структур вследствие долговременной войны или военной угрозы (на примере СССР в Афганистане³), так и обратные примеры, когда война служила укреплению государственных структур (на примере США во Вьетнаме⁴). Но в целом новейшая история той части мира, которая освободилась от колониальной зависимости после Второй мировой войны, мало напоминает энергичное государственное строительство в Европе Нового времени. Послевоенный международный порядок практически исключил угрозу завоевания одного государства другим, в то время как в предшествующие столетия в Европе именно эта угроза была главным источником как военных, так и организационных инноваций, создавших в итоге современное государство.

Прекращение (или, по крайней мере, резкое сокращение) массовых войн привел государство модерна к кризису. Государство перестало взимать со своих граждан «налог кровью», в связи с чем необходимость поддержания созданных им дорогостоящих инфраструктур исключительно за счет государства если не отпала, то стала вызывать сомнения. Вызов государственному суверенитету как основе международного порядка, который активно обсуждается в последние десятилетия, объяснялся не только ростом влияния единственной сверхдержавы – США – и экспансией транснациональных корпораций и международных неправительственных организаций. Суверенитет оспаривался также изнутри государств по мере того, как последние сокращали масштабы своего контроля над обществом и степень ответственности за положение дел в тех сферах, которые прежде считались традиционными для вмешательства государства, включая здравоохранение.

1 Tilly 1992.

2 Thies 2004.

3 Reuveny, Prakash 1999.

4 Taylor, Botea 2008.

В «третьем мире», или в странах глобальной периферии, этот кризис выразился в том, что лишь немногие из принадлежащих к нему государств смогли создать бюрократические аппараты, по своей мощи и эффективности сопоставимые с европейскими и североамериканскими. В «развитом мире» этот кризис выразился в развертывании широких программ дерегулирования в тех областях, которые раньше поддерживались усилиями государства и находились в его монопольном контроле. С этой точки зрения, весьма поучителен опыт Великобритании, которая сначала создала, а затем почти демонтировала одну из самых совершенных систем здравоохранения в западном мире.

В 1948 г., когда Великобритания все еще пребывала в состоянии затяжной и сложной послевоенной реконструкции (в этом году ее государственный долг значительно превосходил 200% ВВП), британские граждане получили листовку, которая гласила: «5 июля начнет работу ваша новая Национальная служба здравоохранения. Что это такое? Как вы получите ее услуги? Она обеспечит вас любой медицинской, стоматологической и медсестринской помощью. Каждый – богатый или бедный, мужчина, женщина или ребенок – может воспользоваться любой ее составляющей». Как отмечает современный британско-американский экономист М. Маццукато, в основе Национальной службы здравоохранения (NHS/НСЗ), созданной в 1948 г. по инициативе министра здравоохранения Э. Бивена, лежали три ключевых принципа¹:

- удовлетворение потребностей каждого;
- бесплатное оказание услуг;
- упор на необходимости оказания клинической помощи вне зависимости от материальной возможности пациента заплатить за услугу.

За почти семьдесят лет своего существования НСЗ, отмечает М. Маццукато, стала одной из самых эффективных и справедливых систем здравоохранения в мире, что было признано Всемирной организацией здравоохранения. В Великобритании она считается национальным достоянием, занимающим место в пантеоне страны вместе с группой Queen и Британской вещательной корпорацией (BBC). Кроме того, НСЗ является одной из самых малозатратных систем здравоохранения в экономически развитых странах: в соответствии с данными ОЭСР на 2015 г., расходы на здравоохранение в Великобритании составляли лишь 9,9% ВВП, или примерно половину от того, что тратится на эти цели в США (16,9% ВВП) с их гораздо менее эффективной получастной системой здравоохранения².

«Большинство прошлых успехов НСЗ объясняется ее общественной миссией и принципом универсальности, который трансформируется в эффективное централизованное предоставление услуг здравоохранения, ориентированное на сокращение транзакционных издержек. Граждане Великобритании неоднократно признавали значимость государственного статуса этой системы: в настоящее время 84% британцев считают, что она должна функционировать в рамках государственного сектора³. Даже премьер-министр М. Тэтчер во время конфе-

1 Mazzucato 2018, 253. В российской печати издание выходит в Издательском доме НИУ ВШЭ в пер. Н.П. Проценко.

2 "Health Status – Key Indicators," OECD.Stat, accessed May 30, 2020, http://stats.oecd.org/index.aspx?DataSetCode=HEALTH_STAT.

3 Will Dahlgreen, "Nationalise energy and rail companies, say public," YouGov, November 4, 2013, accessed May 28, 2020, <https://yougov.co.uk/news/2013/11/04/nationalise-energy-and-rail-companies-say-public/>.

ренций Консервативной партии 1982 г. утверждала, что «Национальную службу здравоохранения мы не тронем», временно отказавшись от планов ее прямой приватизации¹.

Однако с принятием в 1990 г. в Великобритании закона о Национальной системе здравоохранения и муниципальной медико-социальной помощи в британскую систему здравоохранения началось последовательное внедрение элементов частного оказания услуг. Менеджмент НСЗ и служба ухода за пациентами были вынуждены действовать в качестве части «внутреннего рынка»: «Руководители здравоохранения и врачи общей практики становились автономными покупателями услуг в условиях ограниченных возможностей бюджета. Больницы были преобразованы в самоуправляемые филиалы НСЗ, а их ресурсы стали зависеть от контрактов, оговоренных с заказчиками. В качестве первого элемента аутсорсинга также вводилась передача выполнения услуг подрядчикам, предлагающим наименьшую цену, при этом НСЗ постепенно отходила от своей роли инстанции, оказывающей услуги, и становилась обычным их потребителем»².

Начиная с 1992 г. в процесс аутсорсинга в рамках предложенной кабинетом министров Дж. Мейджора доктрины «Частной финансовой инициативы» (ЧФИ – далее) также было вовлечено строительство больниц НСЗ. На базе ЧФИ компаниям было позволено строить больницы, которые затем сдавались в аренду НСЗ по весьма высокой цене. Механизм ЧФИ широко использовался и кабинетами «новых лейбористов» для экономии на инфраструктурных инвестициях³.

При премьер-министре Т. Блэре, который изначально стремился преодолеть ошибки своих неолиберальных предшественников, британское здравоохранение было подвергнуто очередному раунду «оптимизации». На первый взгляд, расходы на здравоохранение росли: в течение пяти лет начиная с 2002 г. они были увеличены на 50% в реальном выражении. Однако «залить деньгами» данную систему не удалось, поскольку при этом, как указывает норвежско-британский политолог С. Ринген, были допущены две серьезные ошибки: «Правительство переоценило эффективность лечебных мероприятий, на которые и пришлась большая часть расходов, и недооценила потребность в мероприятиях по стимулированию здорового образа жизни и профилактике заболеваний, оставшиеся практически без поддержки. Более того, расходы на лечебные цели были увеличены слишком резко и слишком скоро»⁴.

Почему в ответ на увеличение выделяемых средств врачи стали работать менее эффективно? Ответ, по мнению С. Рингена, заключается в отношении правительства к специалистам: «Оно уделяло излишне много внимания формальным показателям, индикаторам эффективности, рейтингам и т. п. Если бы вы спросили любого специалиста в системах здравоохранения и образования, что он обо всем этом думает, вы устали бы выслушивать его жалобы о навязанных показателях, мониторинге, заполнении документов и анкетировании»⁵.

1 Mazzucato 2018, 254.

2 Ibid.

3 Ibid.

4 Ringen 2013, 51–52.

5 Ibid.

Крайне неэффективным, по оценке М. Маццукато, оказалась и система аутсорсинга, внедряемая в деятельность НСЗ, особенно после того, как закон о здравоохранении и социальной помощи 2012 г. де-факто отменил второй исходный принцип НСЗ, введя сборы с потребителей медицинских услуг и основанную на страховании систему, напоминающую американскую модель здравоохранения, где издержки и риски ложатся на пациентов, которые теперь оказываются клиентами на рынке предоставления медицинских услуг. Реформа также привела к еще большему увеличению аутсорсинга во многих различных сферах, таких как уборка помещений, управление инфраструктурой, услуги врачей общей практики «вне обычных рабочих часов», диспансеризация и т. д.

В итоге сложившуюся в британском здравоохранении ситуацию М. Маццукато описывает следующим образом¹: «Вся система передачи контрактов на аутсорсинг оказывала искажающее воздействие на деятельность персонала НСЗ. Врачи, медсестры, менеджеры и полчища консультантов и юристов проводят дни напролет, готовя различные торги, конкурсы и контрактные подряды вместо того, чтобы обеспечивать уход за пациентами».

Возвращение Левиафана

Пандемия коронавируса потребовала от государств исполнения функций, заложенных эпохой модерна: организации и поддержания карантинных мер, предоставления массовой медицинской помощи, мобилизации необходимых для этого ресурсов. Хотя в полной мере оценить готовность различных государств к пандемии пока невозможно, последние месяцы продемонстрировали как успехи государств в обеспечении карантинных мер (Китай, Южная Корея), так и масштаб атрофии ряда их функций, где остановить распространение пандемии своевременно не удалось (Италия). По мере того как появится полная статистика, будут проясняться и различия в реакции систем эпидемического контроля и здравоохранения. Но уже сейчас можно с уверенностью предположить, что сохранение потенциальной установки государства на тотальный контроль создавало тот скрытый запас прочности, который оказался востребован в чрезвычайной ситуации, спрогнозировать которую было либо невозможно, либо вероятность её наступления трактовалась как незначительная.

Бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер в комментарии, написанном в начале апреля 2020 г., назвал возвращение архетипа государства как города, окруженного стенами, в эпоху, когда благосостояние зависит от глобальной торговли и свободного передвижения людей анахронизмом². Вполне разделяя его историческую интуицию – государство возвращается в свое, казалось бы, устаревшем облике закрытых границ и карантинных патрулей – мы в то же время не можем согласиться с оценкой этого как временного отступления с магистрального пути глобализации.

Р. Ниблет, глава британского аналитического центра *Chatham House*, напротив, полагает, что архитектура глобального экономического управления атро-

1 Mazzucato 2018, 254–255.

2 Henry A. Kissinger, “The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order,” *The Wall Street Journal*, April 3, 2020, accessed May 28, 2020, <https://www.henryakissinger.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order/>.

фируется, если у национальных лидеров не будет политической воли ее поддерживать¹. Р. Хаас на страницах журнала *Foreign Affairs* утверждает, что кризис, вызванный распространением коронавируса, нельзя считать поворотным пунктом мировой политики: он лишь сделал более рельефными тенденции, которые были заметны и раньше, а именно меньше американского лидерства, меньше международного сотрудничества, больше разлада между великими державами². Возвращаясь к метафоре Г. Киссинджера, можно сказать, что город стали обносить стенами еще до того, как пришла чума.

Экономический национализм и протекционизм дали себя знать еще после прошлого кризиса 2008 – 2009 гг. Текущий кризис добавляет к ним новые оттенки. В начале пандемии правительства множества стран, в том числе крупнейших и экономически развитых, столкнулись с физическим дефицитом необходимых медицинских изделий. Подобные обстоятельства подталкивают их к разворачиванию соответствующих производств на собственной территории, а также к автаркии: чем длиннее цепочки поставок товаров, комплектующих и больше национальных юрисдикций в них задействовано, тем больше риск дезорганизации в ситуациях, подобной нынешней. Таким образом, промышленный протекционизм, вернувшийся на сцену в середине 2010-х гг., обретает связь с безопасностью, причем еще более прочную, чем это было после прошлого экономического кризиса.

«Возвращение Левиафана» непохоже на триумфальное шествие. Государствам предстоит поиск ответов на возникающие социальные вызовы, которые хоть и предсказывались ранее, но в реальности в таком масштабе еще не возникали. Коронавирус создал нетипичную для государства модерна коллизию в экономической сфере, на неопределенное время фактически обнулив его важнейшую установку – рост ВВП. При сохранении жесткого карантина в течение нескольких месяцев обеспечение роста как глобальной экономики, так и экономик отдельных стран окажется невозможным: на первый план выйдет решение задач элементарного выживания, что, собственно, уже и происходит в ряде стран. Дискуссия о ценности и качестве экономического роста, которую в последние годы пытались инициировать самые разные силы, от «зеленых» до представителей современной монетарной теории³, в результате может оказаться бессмысленной, поскольку новой ценностью станет сохранение базовых средств к существованию, и основные рычаги решения этой задачи вновь окажутся в руках государства.

В конечном итоге речь идет о структурной перестройке экономики в соответствии с новыми вызовами, поскольку реалии постиндустриального общества, с одной стороны, оказались совершенно несоответствующими ожиданиям, а с другой стороны, экономика этого типа оказалась слишком уязвимой для непредвиденных рисков: внезапное обрушение сервисного сектора элементарно

1 "How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic," *Foreign Affairs*, March 20, 2020, accessed May 28, 2020, <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/>.

2 Richard Haas, "The Pandemic Will Accelerate History Rather Than Reshape It," *Foreign Affairs*, April 7, 2020, accessed May 28, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it>.

3 Modern monetary theory (MMT – далее), современная монетарная теория рассматривает деньги как продукт, монополично производимый государством, в связи с чем сторонники ММТ призывают к более активной роли государства в экономической и финансовой политике. Ключевые авторы ММТ: У. Митчелл, Л. Рэй и М. Уоттс.

оставило миллионы людей без средств к существованию. Идея базового безусловного дохода в этой ситуации обретает определенную актуальность, однако одновременно потребуются налаживать новые модели производства, распределения, контроля и т. д., которые еще только предстоит выработать.

Сможет ли государство решить эти задачи структурной перестройки всей экономики, неясно. Проблема требует незамедлительных действий, особенно учитывая все риски, источником чего выступает так называемый прекариат – «новый опасный класс», который в условиях развала сложившихся рынков может выступить разрушителем государства. Как всемирная пролетарская революция 1917 г. возникла из кризиса, порожденного Первой мировой войной, так и глобальная субпролетарская революция может быть порождена ситуацией с коронавирусом. Надвигающиеся симптомы этой революции были налицо задолго до нынешнего кризиса: от ИГИЛ¹ до французских «желтых жилетов». А поскольку современная теория революций учит нас, что революция – это прежде всего распад государства, порядок рисков в ситуации, когда многие государства демонстрируют свою дисфункциональность, совершенно очевиден. До недавнего времени прекариату определенно не хватало организационных ресурсов, но процессы его самоорганизации могут резко возрасти в условиях, когда ряды «нового опасного класса» стремительно расширятся.

Ранние теоретики постиндустриализма предполагали, что в рамках этой парадигмы произойдет формирование «общества двух третей»², то есть общества, в котором будет преобладать средний класс. Однако в действительности наиболее эффективным стимулом для расширения доли среднего класса в ядре капиталистической мир-системы было наличие альтернативы в виде той модели государства всеобщего благосостояния, которую пытался внедрять СССР, формируя нечто вроде собственной мир-системы. Поэтому с распадом СССР и социалистического лагеря стала набирать ход противоположная тенденция – к усилению неравенства как внутри отдельных обществ, так и на межгосударственном уровне.

«Дискуссии о неравенстве в Америке часто фокусируются на растущем разрыве между нижними 99% и верхним 1%. Однако увеличился и другой разрыв – между верхними 20% и всеми остальными, и эти тенденции будут резко усилены нынешним кризисом. В последние десятилетия доходы богатейших 20% американцев выросли существенно выше, чем тех, кто находится ниже в иерархии доходов. В ходе этого кризиса большинство этих людей будут иметь стабильные заработки, а все необходимое будет доставляться им до дверей», – констатирует один из ведущих американских политологов Т. Скочпол³, давая понять, что вместо общества «победившего среднего класса» постиндустриализм привел к формированию чего-то принципиально противоположного.

Если в результате нынешнего кризиса возобладает описанная выше модель «20/80», то мировая система определенно сдвинется в направлении гораздо большего неравенства как между ее игроками, так и в каждом отдельном социуме.

1 ИГИЛ – группировка «Исламское государство Ирака и Леванта», запрещенная в России.

2 Amoroso 1998, 73.

3 Theda Skocpol, "The inequality gap will widen," Politico, March 19, 2020, accessed May 28, 2020, <https://www.politico.com/news/magazine/2020/03/19/coronavirus-effect-economy-life-society-analysis-covid-135579>.

В таком случае тенденция к формированию посткапитализма, или гиперкапитализма, хорошо заметая еще задолго до коронавируса, станет доминирующей, и применение инструментов т. н. «биополитической власти»¹ может оказаться важным аспектом ее функционирования. Представители богатых 20% смогут организовать свою жизнь в соответствии с высокими стандартами «биобезопасности» (например, создав собственные анклав, откуда они смогут осуществлять дистанционное управление различными процессами), для оставшихся же 80% местом обитания станут мегаагломерации с ужесточенными мерами контроля, уже активно внедряемыми, например, в Китае (в Синьцзян-Уйгурском регионе). Возможны и новые неожиданные альянсы: «креативный класс» может стать на сторону государства, поскольку его трудовые возможности работать дистанционно в новых условиях становятся именно классовой чертой.

Таким образом, кризис выносит на первый план проблему социального неравенства, которую государству предстоит так или иначе решать. Следовательно, вопрос о том, есть ли будущее у капитализма, становится еще более актуальным. Этот вопрос прямо связан с проблемой исчерпания экологической ниши человечества, которая не раз становилась причиной глобальных системных кризисов: в VI–VIII (Юстинианова чума), XIV (время «Черной смерти»), XVII (Тридцатилетняя война) веках. Пространственное развитие капитализма последних десятилетий содержит в себе очевидный парадокс: с одной стороны, капитализм действительно стал глобальным, капиталистическая мир-система распространилась на весь мир, но, с другой стороны, человечество стало все больше концентрироваться в мегаагломерациях, что напоминает именно об ограниченной емкости экологической ниши, основанной на постиндустриальной модели. Новые структуры расселения должны соответствовать новой структуре экономики, но ее еще только предстоит создать.

Структурная перестройка экономики будет особенно тяжелой для государств, ориентированных на экспорт – эта новая структура определенно будет в гораздо большей степени ориентирована на протекционизм, причем сопряженный в первую очередь с обеспечением национальной безопасности и безопасности элит. Этому будет способствовать как нарастающее напряжение на рынке труда, так и необходимость создания стратегических резервов – от продовольствия до медикаментов. Появление структур наподобие Госплана в этой обстановке неизбежно – никто, кроме государства, не сможет взять на себя затраты на формирование новых инфраструктур. Государствам придется брать на себя гораздо большую ответственность, чем прежде, и это также будет способствовать нарастанию разрыва в мощи отдельных стран – справиться с новыми задачами смогут далеко не все. Индустриализированные страны с развитыми внутренними рынками имеют по определению больше шансов, однако новые конфликты за рынки неизбежны, поскольку производство большого количества товаров по-прежнему будет зависеть от доступности технологий.

Упомянутая выше установка на тотальное управление, совершенно уместная в военное время, выглядит исключительно проблематичной в мирных усло-

1 См. подробнее: Foucault 2008.

виях. Между тем многие ограничения, вводимые государствами в период угроз национальной безопасности, имеют тенденцию не просто сохраняться, но и расширяться после того, как эти риски нивелированы (можно вспомнить, например, корреляцию между террористическими актами в США 11 сентября 2001 г. и последующим глобальным ростом рынка систем слежения). Какие из теперь введенных ограничений сохранятся после того, как коронавирус будет взят под контроль, пока можно только гадать.

Широко применяемые практики цифрового контроля за соблюдением карантинных мер породили дискуссию о том, в какой мере эти практики могут подорвать демократические институты Запада и как возможен либеральный электронный надзор за гражданами¹. В целом движение в направлении большего неравенства будет, скорее, способствовать расширению практик цифрового контроля, наращивая тем самым информационную асимметрию между избирателями и элитами.

Вместо заключения: международные сдвиги

Перед болезнью все равны, но эффект пандемии распределяется неравномерно. Если предполагать вслед за И. Крастевым, что в возникновении сегодняшней ситуации будут винить глобализацию², то трудно также не заметить, что в наибольшей мере страдают ключевые узлы глобальных коммуникаций, как во время средневековых эпидемий страдали в первую очередь торговые города. Нью-Йорк – очевидный пример. В то же время способность государств справиться с пандемией и ее экономическими последствиями становится фактором их международного влияния.

Американская гегемония была подорвана еще кризисом 2008 – 2009 гг. Сейчас более чем десятикратный разрыв между США и Китаем по числу погибших от пандемии очевиден. Китай, раньше других крупных стран объявивший о победе над инфекцией и развернувший собственные программы международной помощи, давно не получал такого дипломатического преимущества. В то же время немало государств оказались практически недееспособными. Страны со слабыми экономиками, неэффективными государственными институтами, зависимые от зарубежных инвестиций и рынков труда, переживают «идеальный шторм». Один из очевидных примеров – это Украина. Страна переживает пандемию, массовое возвращение граждан, работавших за рубежом, экономический кризис, связанный с карантинными мерами и истощением потока денежных переводов из-за границы. При этом состояние бюджета страны не позволяет оказать сколь угодно серьезную помощь экономике.

Усиление разрыва между сильными и слабыми создает для первых множество соблазнов – от более агрессивной внешней политики до отказа от долговых и прочих обязательств, которые под предлогом чрезвычайных обстоятельств можно будет объявить утратившими силу. Подобные примеры в истории не

1 Nicholas Wright, "Coronavirus and the Future of Surveillance," *Foreign Affairs*, April 6, 2020, accessed May 29, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-04-06/coronavirus-and-future-surveillance>.

2 Крастев, И. Семь первых уроков глобального коронавирусного кризиса // Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sem-urokov-koronakrizisa/> (дата обращения: 28.05.2020).

трудно найти. Отказ США от принципов Бреттон-Вудской системы, став одним из «сигнальных», в терминологии Дж. Арриги¹, кризисов для гегемонии США, лишь усилил глобальную долларовую систему, приведя к резкому ускорению инфляции во многих странах и притоку свободных капиталов в экономику США. Удастся ли США повторить нечто подобное сейчас, неизвестно, но такой вариант развития событий исключать нельзя, как и серии суверенных и корпоративных дефолтов. В то же время Китай вряд ли позволит «выскочить» из созданной им же долговой системы странам бывшего «третьего мира». Эта система, скорее всего, расширится, особенно учитывая то, что Китай уже заявляет о готовности помочь многим странам в борьбе с коронавирусом.

При этом далеко не исчерпан потенциал экономического конфликта между США и Китаем, который в новых условиях может вылиться уже в формирование конкурирующих глобальных сетей, основанных на политических и силовых балансах, нацеленных на противодействие новому всеобщему кризису. Уже наметившийся тренд на эрозию ранее прочных межгосударственных союзов может получить новый импульс. Система международных институтов, сформировавшихся после Второй мировой войны и получившая подобный импульс, проявившийся в десятилетиях глобализации, оказывается перед вызовом, с которым не сталкивалась раньше.

1 Arrighi 1994.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Валлерстайн, И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке / Предисл. Г.М. Дерлугьяна, пер. с англ., литер. редакц., комм. Н. Проценко, А. Черняева. – М: Русский фонд содействия образованию и науке, – 2015. – 552 с. [Wallerstein I. *Mir-sistema Moderna*. Tom I. *Kapitalisticheskoe sel'skoe khozyaistvo i istoki evropeiskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century] / preface by G.M. Derlug'yan, eds. N. Protsenko, A. Chernyaeva. – Moscow: Russian Foundation for education and science, – 2015. – 552 p.] [in Russian]
- Amoroso, Bruno. *On Globalization*. London: Palgrave Macmillan UK, 1998. doi:10.1057/9780230286986.
- Arrighi, Giovanni. *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times*. London: Verso, 1994.
- Diamond, Jared. *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. London: Penguin Books Ltd., 2005.
- Diamond, Jared. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. London: W.W. Norton & Company, 2017.
- Foucault, Michel. *Security, Territory, Population*. Edited by Michel Senellart, François Ewald, and Alessandro Fontana. London: Palgrave Macmillan UK, 2009. doi:10.1057/9780230245075.
- Foucault, Michel. *The Birth of Biopolitics*. Edited by Michel Senellart, François Ewald, and Alessandro Fontana. London: Palgrave Macmillan UK, 2008. doi:10.1057/9780230594180.
- Glottz, Peter. *The Two-thirds Society*. International Metalworkers' Federation.
- Mazzucato, Mariana. *The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy*. London: Allen Lane, 2018.
- McNeill, William H. *Plagues and Peoples*. New York: Anchor Books Doubleday, 1998.
- Reuveny, Rafael, and Aseem Prakash. "The Afghanistan War and the Breakdown of the Soviet Union." *Review of International Studies* 25, no. 4 (October 1, 1999): 693 – 708. doi:10.1017/S0260210599006932.
- Ringen, Stein. *Nation of Devils: Democratic Leadership and the Problem of Obedience*. New Haven; London: Yale University Press, 2013.
- Taylor, Brian D., and Roxana Botea. "Tilly Tally: War-Making and State-Making in the Contemporary Third World." *International Studies Review* 10, no. 1 (March 2008): 27 – 56. doi:10.1111/j.1468-2486.2008.00746.x.
- Thies, Cameron G. "State Building, Interstate and Intrastate Rivalry: A Study of Post-Colonial Developing Country Extractive Efforts, 1975-2000." *International Studies Quarterly* 48, no. 1 (March 2004): 53 – 72. doi:10.1111/j.0020-8833.2004.00291.x.
- Tilly, Charles. *Coercion, Capital and European States, A.D. 990 – 1992*. Cambridge, MA: Wiley-Blackwell, 1992.

Сведения об авторах

Силаев Николай Юрьевич,

ведущий научный сотрудник Института международных исследований,
МГИМО, Москва, Россия,

e-mail: nikolai.silaev@gmail.com

Проценко Николай Петрович,

экономический обозреватель, переводчик труда И. Валлерстайна «Мир-система Модерна»,
Москва, Россия,

e-mail: npr79@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 8 мая 2020. Принята к публикации: 1 июня 2020.

Цитирование

Силаев, Н.Ю., Проценко, Н.П. Снова модерн? COVID-19 возвращает государству его изначальную природу // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (1). – С. 11-26.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-11-26>

Back into Modernity? COVID-19 Returns Nation-State to Its Original Nature

ABSTRACT

From a historical perspective, the curbing of epidemics was the collateral effect of emerging European Modern states. The current COVID-19 pandemic reminds that. It supports the broad international tendency to strengthen state sovereignty, nationalism, and economic protectionism. Meanwhile, in recent decades health care systems around the world have been evolving toward deregulation, use of market mechanisms, and decrease of state interventions, and it was one of the most salient evidence that Modern state is being deconstructed. The current crisis puts forward the prospect that Modern comes back with the following social conflicts, interstate rivalry, and growing power inequality between the international system actors.

KEYWORDS

Europe, Modern, nation-state, epidemic, coronavirus, national health system, capital

Authors

Nikolay Yu. Silaev,

Leading research fellow at the MGIMO Institute for International Studies,
Moscow, Russia,

e-mail: nikolai.silaev@gmail.com

Nikolay P. Protsenko,

Economic observer, translator of I. Wallerstein's work "the World-Modern system",
Moscow, Russia,

e-mail: npr79@yandex.ru

Additional information

Received: May 8, 2020. Accepted: June 1, 2020.

To cite the article

Silaev, Nikolay Yu., and Nikolay P. Protsenko.

"Back into Modernity? COVID-19 Returns Nation-State to its Original Nature."

Journal of International Analytics 11, no. 1 (2020): 11–26.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-11-26>